

ИЗЪ КАВКАЗСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

ОЧТИ полстолѣтіе протекло съ того времени, какъ прогремѣлъ послѣдній выстрѣлъ въ горахъ далекаго Дагестана, и палъ послѣдній оплотъ горцевъ — неприступный Г'унибъ, а съ нимъ вмѣстѣ и глава мюридовъ, имамъ Чечни и Дагестана — Шамиль, который, ведя упорную войну съ русскими, умѣлъ съ замѣчательнымъ искусствомъ въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ охранять свободу и независимость своей страны. Ни могущество природы того края, ни геній Шамиля и безавѣтная храбрость преданныхъ ему мюридовъ, готовыхъ по одному лишь слову своего повелителя съ отчаяннымъ фанатизмомъ идти на вѣрную смерть, не могли уже болѣе защитить этого народнаго героя, и онъ, изнемогая въ непосильной борьбѣ, принужденъ былъ наконецъ отдаться во власть исконныхъ враговъ своихъ — русскихъ гяуровъ, зановѣдавъ наидамъ свято хранить покорность Бѣлому царю, «который, — говорилъ онъ, — въ заботахъ о благѣ народа не оставитъ и ихъ, какъ новыхъ подданныхъ, своимъ покровительствомъ и царскими милостями».

Извѣстно, что еще въ двадцатыхъ годахъ минувшаго столѣтія почти весь Прикаспійскій край съ примыкавшими къ нему землями Большой и Малой Чечни, подъ ударомъ нашего знаменитаго полководца, генерала Ермолова, былъ приведенъ въ полную покорность русскому правительству. Всѣ завоеванія, сдѣланныя этимъ грозой Кавказа, были настолько прочными, что уже и тогда, казалось, можно было предвидѣть скорый конецъ этой тяжелой войны; но,

къ сожалѣнью, крутыя мѣры, примѣненные послѣ него нашими правителями въ краѣ, не только не смирили окончательно горцевъ, но, напротивъ, вызвали такія великія смуты, что Шамиль, какъ умный и вліятельный человѣкъ, не упустилъ случая ими немедленно же воспользоваться. Онъ поднявъ въ 1840 г. всю покорную намъ Чечню, а, три года спустя, общее возстаніе горцевъ въ Дагестанѣ имѣло своимъ послѣдствіемъ такія событія, что окончаніе войны должно было по необходимости оттянуться еще на долгіе годы; и только лишь къ концу слѣдующаго десятилѣтія, послѣ цѣлаго ряда крупныхъ завоеваній, сдѣланныхъ новымъ намѣстникомъ Кавказа, княземъ Барятинскимъ, можно было наконецъ признать прочнымъ покореніе всего этого края. Присоединеніе къ нашимъ владѣніямъ въ 1887 г. хлѣбородной Салатави, этой житницы сѣвернаго Дагестана, занятіе въ 1858 г. Аргунскаго ущелья и Шатоя и взятіе вслѣдъ затѣмъ въ 1859 г. штурмомъ главной резиденціи Шамиля, укрѣпленнаго аула Дарго, были тѣми громовыми ударами для горцевъ, которые не только что подорвали довѣріе ихъ къ силѣ и могуществу своего имама, но и послужили вмѣстѣ съ тѣмъ подготовкою къ быстрому завоеванію русскими всего восточнаго Кавказа, которое въ томъ же въ 1859 г. и завершилось взятіемъ неприступнаго Гуниба и плѣномъ самого Шамиля.

Еще съ ранней весны 1859 г. въ Буртунаѣ, гдѣ расположенъ былъ нашъ дагестанскій пѣхотный полкъ, пронесся слухъ, что лѣтомъ предполагается собрать около этой крѣпости значительный отрядъ, который, съ цѣлью нанести рѣшительный ударъ Шамилю, отсюда будетъ направленъ черезъ Андію въ глубь Нагорнаго Дагестана. Слухъ этотъ дѣйствительно вскорѣ подтвердился официальнымъ приказомъ командующаго войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, и въ Буртунаѣ, какъ передовой пунктъ, съ первыхъ чиселъ мая мѣсяца почти ежедневно начали прибывать большіе транспорты съ боевыми артиллерійскими снарядами, чугунными орудіями, провіантомъ, фуражемъ и проч. Всѣ эти запасы указывали, что экспедиція въ горы затѣвается крупная, и что она рассчитана на болѣе или менѣе продолжительное время.

Въ началѣ іюля мѣсяца къ урочищу Мичиколѣ, находившемуся вблизи Буртуная, сталъ собираться дагестанскій отрядъ, который въ составѣ 11 баталіоновъ пѣхоты, 13 эскадроновъ и сотенъ кавалеріи при 16-ти орудіяхъ, подъ начальствомъ самого командующаго войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, генералъ-лейтенанта, барона Врангеля, долженъ былъ отсюда начать военныя дѣйствія на Гумбетъ и совокупно съ главнымъ чеченскимъ отрядомъ, наступавшимъ въ то же время изъ Малой Чечни въ Андію, вступить къ половинѣ іюля въ предѣлы Нагорнаго Дагестана. Днемъ наступленія нашего отряда со сборнаго пункта назначено было 14 іюля. Въ 2 часа ночи ударили въ лагерь барабаны, заиграли хоры гор-

нистовъ генераль-маршъ, и съ разсвѣтомъ, снявъ лагерь, войска потянулись къ ущелью, которое, отдѣляя Мичикалинскій хребетъ отъ Киркинскихъ высотъ, составляло главный путь къ Гумбету. Движеніе наше по мало разработанной дорогѣ было вначалѣ до того медленно, что мы только къ полудню успѣли перевалить небольшой кряжъ, за которымъ уже начиналась безплодная Андія. Пройденнаго разстоянія было всего лишь около десяти верстъ, но картина всей мѣстности совершенно измѣнилась. Здѣсь уже не видно было ни лѣсовъ, ни зеленѣющихъ высокими травами луговъ, которыми такъ изобилуетъ наша Салатавія, и только однѣ лишь голыя скалы да обсыпанные бѣлымъ известковымъ щебнемъ высокіе холмы, громоздившіеся другъ около друга, торчали, какъ мертвые остоны, по всѣмъ направленіямъ, придавая этой природѣ видъ чего-то унылаго, безжизненнаго.

Обогнувъ Киркинскую возвышенность, отрядъ спустился къ селенію Аргуани, изъ котораго жители съ приближеніемъ русскихъ успѣли уже всѣ разбѣжаться, и вблизи его расположился лагерь, выдѣливъ отъ себя въ тотъ же день передовой отрядъ изъ трехъ баталіоновъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка, баталіона стрѣлковъ, трехъ сотенъ кавалеріи и двухъ орудій. Этотъ авангардный отрядъ подъ командою генераль-майора Ракусы ¹⁾ долженъ былъ безостановочно продолжать движеніе къ Андійскому Койсу, сдѣлать обзоръ этой рѣки и, если представится возможность, немедленно же занять переправу у Сагрытло. Конечно, сборы нашихъ отрядовъ и движеніе ихъ въ Андію не могли оставаться неизвѣстными для Шамиля. Онъ хорошо понялъ грозившую ему опасность, быстро собралъ нѣсколько огромныхъ партій, уничтожилъ всѣ переправы черезъ Андійское Койсу и, укрѣпивъ важнѣйшіе пункты, взялъ съ своихъ наибоѣе обѣщаніе, что они ни въ какомъ случаѣ не пропустятъ русскихъ въ Аварію.

¹⁾ Генераль-майоръ Николай Викентьевичъ Ракуса, только что сдавшій передъ тѣмъ нашъ Дагестанскій полкъ полковнику Радецкому (впослѣдствіи извѣстный герой Шинки), былъ настолько замѣчательный человѣкъ, что о немъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ. Издавна извѣстный своею храбростію Ракуса имѣлъ суровый образъ жизни и даже, бывши командиромъ полка, не имѣлъ своимъ привычкамъ. Жилъ онъ лѣто и зиму въ калмыцкой кибиткѣ, обдѣлывалъ въ 10 часовъ утра и, не зная погоды, ходилъ въ одномъ лишь мундирѣ безъ плаща, по всегда въ папахѣ, которой никогда при этомъ не снималъ съ головы. Рассказывали про него, что, когда въ дѣлѣ подъ Шалигами онъ раненъ былъ въ руку, и врачи признали необходимымъ отнять ее, онъ безъ разговоровъ тотчасъ же согласился на эту операцію, сѣлъ на барабанъ и приказалъ рѣзать себѣ руку. Операція была крайне мучительная, но Ракуса выдержалъ ее, не проронивъ при этомъ ни одного слова, и только, когда захрустѣли подъ пилюю хирурга его кости, онъ такъ крѣпко стиснулъ зубы, что мундштукъ трубки, которую онъ курилъ во все время операціи, разлетѣлся въдребезги. Въ 1861 г. близъ аула Кунтеръ-Кале его понесла лошадь, и онъ, выскочивъ изъ повозки, такъ неудачно упалъ, ударившись головою о камень, что тутъ же и умеръ.

Андійское Койсу, отдѣляя самую суровую часть Кавказа, называемую Нагорнымъ Дагестаномъ, протекаетъ у Сагрытло между обрывистыми скалами и, суживаясь здѣсь до двухъ лишь сажень широты, даетъ только въ этомъ мѣстѣ единственную возможность для переправы. Разсчитывая во что бы то ни стало задержать здѣсь наступленіе нашихъ войскъ и воспрепятствовать имъ перебраться черезъ рѣку, Шамиль устроилъ по правому берегу Койсу большіе завалы и, расположивъ по высотамъ нѣсколько орудій, которыя могли сильно обстрѣливать, какъ весь путь къ рѣкѣ, такъ и мѣсто, гдѣ находился старый мостъ, сталъ ожидать приближенія русскихъ.

Надобно сказать, что отъ аула Аргуани до Койсу мѣстность почти на всемъ протяженіи значительно понижается; дорога идетъ тутъ по крутымъ обрывистымъ спускамъ и до такой степени въ иныхъ мѣстахъ трудно проходима, что мы только лишь къ вечеру могли кое-какъ добраться до послѣдняго спуска къ Койсу, сдѣлавъ въ нѣсколько часовъ всего какихъ нибудь пять или шесть верстъ. Хотя къ этому времени сумерки уже начали спускаться на землю, но съ горы можно было еще довольно ясно разсмотрѣть противоположный берегъ и массы толпившихся горцевъ за завалами. Не рѣшаясь за позднимъ временемъ предпринять что либо въ тотъ же день, генералъ Ракусса остановилъ недалеко отъ спуска свой отрядъ, вызвалъ къ себѣ охотниковъ и приказалъ имъ съ наступленіемъ ночи спуститься къ рѣкѣ, высмотрѣть отсюда расположеніе противника и, изслѣдовавъ берегъ рѣки, намѣтить предварительно мѣсто, гдѣ можно было бы удобнѣе всего устроить переправу. Охотникамъ вмѣнялось при этомъ соблюдать крайнюю осторожность и стараться ничѣмъ не обнаружить себя противнику. Все это охотники исполнили чрезвычайно ловко, и послѣ полуночи генералъ Ракусса уже имѣлъ свѣдѣнія, что мостъ черезъ Койсу разрушенъ, и что главное скопище горцевъ сосредоточено въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ старый мостъ. Кромѣ того, офицеръ, бывший съ охотниками, доложилъ, что саженьхъ въ двухстахъ ниже бывшаго моста берега рѣки по обѣимъ сторонамъ значительно расширяются, и хотя теченіе воды тамъ очень быстро, но уже не такъ бурливо, чтобы Койсу нельзя было переплыть.

Заручившись такими свѣдѣніями, генералъ рѣшился прежде всего попытаться овладѣть переправою тамъ, гдѣ былъ старый мостъ, и съ этою цѣлью, захвативъ съ собою весь матеріалъ для наведенія новаго моста, повелъ съ разсвѣтомъ свой отрядъ къ Сагрытловскому спуску. Здѣсь съ одного изъ пригорковъ ему представилась слѣдующая картина: весь противоположный берегъ рѣки пестрѣлъ горскими напашами; видно было не только расположеніе непріятеля въ завалахъ, но по количеству значковъ не трудно было даже и опредѣлить, что сборъ его тутъ былъ значителенъ. Приказавъ командиру Дагестанскаго полка, полковнику Радецкому,

разсыпать на вершинѣ спуска густую цѣпь стрѣлковъ, генераль Ракусса, подъ прикрытіемъ ея, быстро спустился съ саперами къ рѣкѣ и тотчасъ же приступилъ къ наведенію моста. Но всѣ попытки устроить здѣсь переправу нашимъ саперамъ не удались. Горцы открыли по нимъ изъ-за заваловъ и камней такой убійственный огонь, что пришлось вскорѣ же бросить тутъ всѣ работы и перейти для этой цѣли ниже по теченію, а именно туда, гдѣ, по указанію охотниковъ, берега рѣки были болѣе пологи, и гдѣ непріятель, не предполагая, повидимому, возможности переправы для русскихъ при довольно значительной ширинѣ рѣки, имѣлъ лишь только наблюдательный постъ человѣкъ въ двадцать мюридовъ, засѣвшихъ въ глубокой пещерѣ всего лишь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега. Найдя это мѣсто дѣйствительно болѣе удобнымъ для переправы, генераль Ракусса въ ночь на 16 іюля приказалъ насыпать по берегу завалы и съ разсвѣтомъ занялъ ихъ сильною цѣпью стрѣлковъ, которые своими выстрѣлами не только могли не допустить горцевъ, засѣвшихъ въ пещерѣ, вредить намъ, но и имъ самимъ куда нибудь оттуда скрыться. Видя себя отрѣзанными, мюриды рѣшились покориться, просили пощады и даже вызвались помочь русскимъ переправиться на ихъ берегъ; но положиться на содѣйствіе этихъ, всегда готовыхъ на измѣну, людей было въ данномъ случаѣ, конечно, рискованно, и потому генераль приказалъ вызвать охотниковъ, которые рѣшились бы переплыть на другую сторону, рассчитывая перебросить имъ туда сначала тонкую бичевку, посредствомъ коей они потомъ могли бы перетянуть къ себѣ канатъ и укрѣпить его на противоположномъ берегу.

Война всегда рождаетъ героев! Такъ было и тутъ.

Первымъ охотникомъ переплыть рѣку былъ штрафованный солдатъ нашего полка, рядовой Кочетковъ. Какъ уроженецъ какого-то приморскаго города, и при томъ обладавшій страшною физическою силою, Кочетковъ былъ превосходный пловецъ. Подойдя къ рѣкѣ, онъ сначала сталъ въ нее всматриваться, точно изучая ея теченіе, потомъ быстро раздѣлся, перекрестился и со словами: «авось, услужу великому царю», бросился въ рѣку.

Хотя сильное теченіе воды почти съ самаго начала стало относить Кочеткова внизъ, но этотъ отважный пловецъ, употребляя страшныя усилія, подвигался все болѣе и болѣе впередъ. Взявъ направленіе значительно выше того мѣста, гдѣ ему нужно было пристать, онъ минутъ черезъ 15 подплылъ къ берегу и уже схватился было за одинъ изъ выступовъ скалы, какъ вдругъ набѣжавшая волна оторвала его, и онъ, погрузившись въ воду, скрылся изъ нашихъ глазъ. Всѣ замерли отъ страха, считая Кочеткова уже погибшимъ, но этотъ смѣльчакъ не потерялся и, сдѣлавъ еще нѣсколько сильныхъ взмаховъ руками, вскорѣ снова приблизился къ берегу. Схватившись вторично за утесъ, онъ на этотъ разъ удержался около него и выкарабкался наконецъ на скалу.

Взрывъ громкаго «ура» съ нашего берега былъ привѣтствіемъ молодцу, который, осяннвъ себя широки́мъ крестомъ, низко поклонился намъ, и подойдя къ стоявшему неподалеку старому пню, преспокойно усялся около него на землю, ожидая, когда будетъ ему переброшенъ канатъ. Но перебросить канатъ при ширинѣ рѣки, доходившей здѣсь до 15 сажень, было дѣломъ далеко не легкимъ. Пробовали было нѣсколько разъ запускать камень съ навязанною на него тонкою бичевкою, но камень не долеталъ даже до половины рѣки, и всѣ усилія перебросить какимъ нибудь образомъ веревку оставались безуспѣшными. Въ это время вышелъ къ берегу другой охотникъ—юнкеръ нашего полка, Асланъ-Агаевъ, заявившій полковнику Радецкому, что онъ берется переплыть на другую сторону и просить дать ему тонкую бичевку, посредствомъ которой можно было бы перетащить канатъ. Получивъ на это разрѣшеніе, Агаевъ тотчасъ же раздѣлся, обвязалъ себя по поясу бичевкою и, оставивъ свободный конецъ на берегу, поплылъ. Но попытка эта Агаеву, однако, не удалась, и онъ вскорѣ вернулся обратно. Третьимъ охотникомъ вызвался плыть юнкеръ нашего же полка, Николай Шпейеръ. Худенькій, небольшого роста, съ виду почти еще мальчикъ, Шпейеръ не внушалъ большой надежды на то, чтобы онъ могъ справиться съ этою бѣшеною рѣкою и переплыть ее, но по его настоятельной просьбѣ это, однако, ему было разрѣшено. Онъ такъ же, какъ и Агаевъ, обвязалъ себя тонкою бичевкою, неторопливо спустился въ воду и поплылъ. Быстро перебирая руками, Шпейеръ скоро достигъ середины Койсу, и хотя бѣшущія волны рѣки, перебрасывая пловца, какъ легкій мячъ, съ одного мѣста на другое, безпрестанно погружали его въ воду съ головою, онъ успѣлъ все-таки добраться до противоположнаго берега и, схватившись за камни, началъ было выкарабкиваться на утесъ, какъ тутъ вдругъ сорвался и въ одинъ мигъ исчезъ подъ водою. У всѣхъ невольно захватило духъ при видѣ гибели этого бѣднаго юноши, который такъ близко уже былъ у цѣли; но, къ счастью, герой этотъ тоже не погибъ. Справившись кое-какъ съ сильнымъ теченіемъ воды, которое отнесло его далеко внизъ, онъ достигъ вскорѣ опять берега и, ухватившись за скалу, вылѣзъ вскорѣ на нее. Крикъ радости и одобренія пронесся среди всѣхъ насъ, когда мы увидѣли Шпейера, медленно пробиравашагося по острымъ камнямъ берега. Голый, весь избитый въ кровь, которая струилась потоками по его тѣлу, онъ вселялъ тогда къ себѣ невольное состраданіе; но этотъ по виду маленькій, невзрачный человѣкъ, давшій возможность овладѣть намъ переправою, совершилъ великій подвигъ, который недаромъ вписалъ имя его въ исторію покоренія Кавказа. Подойдя къ Кочеткову, Шпейеръ передалъ ему конецъ веревки, и они оба вмѣстѣ тотчасъ же принялись перетягивать канатъ на свою сторону, который вскорѣ и былъ прочно укрѣпленъ по обѣимъ сторонамъ

рѣки. Увидя, что попытка русскихъ перебросить черезъ рѣку канатъ удалась, горцы, только передъ тѣмъ поклявшіеся намъ въ вѣрности, сразу вдругъ рѣшились на измѣну. Схвативъ въ руки винтовки, но не имѣя возможности за выступомъ скалы нанести вредъ Кочеткову и Шпейеру, они дали залпъ по нашей цѣпи и вслѣдъ за тѣмъ въ одинъ мигъ исчезли всѣ въ глубинѣ пещеры. Конечно, такое вѣроломство этихъ измѣнниковъ не могло остаться ненаказаннымъ, и съ нашего берега тотчасъ же понеслись тучи нуль, преградившія горцамъ всякій выходъ изъ пещеры.

Теперь, когда черезъ рѣку канатъ былъ уже переброшенъ, и первая основа переправы прочно утверждена, нужно было перебраться еще кому нибудь на другой берегъ и, захвативъ съ собою веревку, перетянуть съ помощью ея второй канатъ, чтобы на нихъ уже приступить къ устройству переправы. Опять были вызваны охотники, и на берегъ вышелъ солдатъ 21-го стрѣлковаго баталіона. Перекинувъ черезъ плечо ружье и суму съ патронами, стрѣлокъ обхватилъ руками канатъ, закинулъ на него ноги, и принявъ положеніе, какое употребляется при гимнастическомъ упражненіи, съ новою веревкою поползъ по канату. Ободраемый криками съ нашего берега, солдатъ довольно быстро достигъ середины рѣки, какъ вдругъ совершенно неожиданно остановился, спустилъ ноги и повисъ на однѣхъ рукахъ. Крикъ ужаса пронесся среди всѣхъ присутствовавшихъ. Солдатъ, продолжая висѣть, обернулъ къ намъ голову и глазами молилъ дать ему помощь; но какую помощь можно было оказать ему теперь! Чувствуя, что теряетъ силы, солдатъ сбросилъ съ себя въ воду ружье и патронташъ, но это ему не помогло, и, продержавшись еще нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ, онъ наконецъ сорвался въ рѣку. И мутныя волны навсегда поглотили несчастнаго въ своихъ холодныхъ пучинахъ.

Трагическая смерть этого человѣка произвела очень тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ, и многіе тутъ же высказали мнѣніе, что лучше пожертвовать Кочетковымъ и Шпейеромъ, предоставивъ имъ самимъ перебраться обратно на нашу сторону, чѣмъ губить такимъ образомъ людей и даже, можетъ быть, безъ всякой пользы для дѣла. Такого мнѣнія держались и многіе изъ начальствующихъ лицъ, но полковникъ Радецкій стоялъ на томъ, что переправу такимъ или инымъ способомъ, а взять все-таки будетъ нужно ¹⁾. Задача эта, конечно, была очень трудная, но ее, однако, скоро разрѣшилъ простой человѣкъ — одинъ изъ нашихъ солдатъ, который, подойдя къ полковнику Радецкому, предложилъ ему весьма простой способъ для перевозки людей съ одного берега на другой. Способъ его заключался въ томъ, что, если на канатъ,

¹⁾ За взятіе Сагрытловской переправы полковникъ Радецкій удостоился получить орденъ св. Георгія 4-й степени.

переброшенный черезъ рѣку, надѣть два обруча и къ нимъ прикрѣпить концами доску, то, лежа на этой доскѣ и перехватывая канатъ руками, можно очень легко и безопасно перебраться на другую сторону, передать туда свободный конецъ веревки и затѣмъ уже съ помощью привязанныхъ къ доскѣ веревокъ передвигать эту люльку вмѣстѣ съ человѣкомъ съ одного берега на другой. Мысль устроить такую люльку была настолько остроумна и въ то же время проста, что ею, конечно, не преминули тотчасъ же воспользоваться. Солдаты тутъ же получили въ награду отъ полковника Радецкаго 15 рублей, и дѣло скоро такъ наладилось, что въ продолженіе какого нибудь часа на другомъ берегу уже находилась значительная кучка солдатъ съ полнымъ вооруженіемъ и даже съ значительнымъ запасомъ патроновъ.

А заточенные горы между тѣмъ все сидѣли въ пещерѣ и, не имѣя ни малѣйшей возможности чѣмъ нибудь вредить нашимъ, ждали только удобнаго момента, чтобы выбраться оттуда и скрыться въ расщелинахъ скалы, находившейся очень близко отъ пещеры. Хотя подъ огнемъ нашихъ стрѣлковъ горцамъ сдѣлать это было довольно трудно, но одинъ изъ нихъ рѣшился все-таки попробовать счастья. Онъ обвѣсилъ себя нѣсколькими торбами, набитыми землею, и подъ защитою такого панциря выбѣжалъ было изъ пещеры, но не успѣлъ сдѣлать и пяти шаговъ, какъ тутъ же палъ мертвымъ, пронзенный нѣсколькими пулями съ нашего берега.

Теперь предстояло намъ быть свидѣтелями другой, еще болѣе страшной драмы. Собравшіеся на другомъ берегу наши охотники готовились штурмовать пещеру, изъ глубины которой уже неслись дикіе крики предсмертной молитвы мюридовъ. Перебѣгая отъ камня къ камню, охотники довольно близко подошли къ пещерѣ и вдругъ съ крикомъ «ура» разомъ все бросились въ глубину ея. Что произошло тамъ, мы, конечно, видѣть не могли, но не прошло и четверти часа, какъ все они показались оттуда, держа при этомъ за руки одного изъ мюридовъ, захваченнаго ими живымъ.

Никогда не забуду я того зрѣлища, которое намъ представилось тогда. Вообразите такую картину: впереди ревущее Койсу, за ней точно уходящая куда-то далеко къ небесамъ мрачныя громады скалъ, а у подножія ихъ вблизи пещеры на голомъ камнѣ скалы, вдавшейся въ рѣку, кучка солдатъ, среди которыхъ высокій илечистый горецъ въ разорванной бѣлой рубахѣ и съ обнаженной головой, улавъ на колѣни, молить ихъ о пощадѣ.

Тысячи зрителей съ напряженнымъ вниманіемъ наблюдали съ нашего берега за всей этой сценой, и вдругъ загремѣлъ со всехъ сторонъ яростный крикъ:

— Смерть измѣннику! въ воду его! -- и въ одинъ мигъ несчастный горецъ, подхваченный солдатами, полетѣлъ въ рѣку. На секунду обезображенный трупъ его, задержанный большимъ кам-

немъ, показался еще разъ изъ воды, но сильная волна тутъ же подхватила его и понесла внизъ по теченію.

Между тѣмъ на переправѣ уже успѣли устроить что-то въ родѣ веревочнаго моста, который хотя и сильно раскачивался при малѣйшемъ прикосновеніи къ нему, но могъ, однакоже, служить для перехода людямъ по одиночкѣ. Первымъ по этому мосту перешелъ на другую сторону командиръ нашего полка, полковникъ Радецкій, а вслѣдъ за нимъ потянулись и мы. Всю ночь, при свѣтѣ лишь однихъ фонарей, подъ оглушительнымъ ревомъ рѣки продолжалась наша переправа, и къ утру на другомъ берегу образовался почти цѣлый баталіонъ, который долженъ былъ прежде всего выбить противника изъ его укрѣпленій и затѣмъ занять ту часть берега, гдѣ предполагалось навести новій деревянный мостъ. Но горцы, однако, не рѣшились и сами отставать уже болѣе своихъ позицій и, бросивъ безъ сопротивленія завалы, толпами начали удаляться въ горы. Весь берегъ вскорѣ былъ совершенно очищенъ, и наши саперы въ нѣсколько часовъ уже успѣли навести новый, прочный мостъ, по которому войска передового отряда съ артиллеріею и обозомъ перешли тотчасъ же на другую сторону.

Но, преодолевъ первое серьезное препятствіе взятіемъ переправы у Сагрытло, гдѣ Шамиль рассчитывалъ задержать наступленіе нашего отряда, нужно было, не давая опомниться горцамъ, немедленно же овладѣть и Ахкентскими высотами, такъ какъ только лишь оттуда открывался для насъ свободный путь по всей Аваріи и въ Куяду, которая по своей дикости еще могла служить нѣкоторымъ оплотомъ для послѣднихъ остатковъ когда-то грозныхъ полчищъ Шамиля. Въ силу такого соображенія генералъ Врангель на слѣдующій же день по занятіи переправы выдвинулъ подъ команду генерала Ракуссы передовой отрядъ изъ четырехъ баталіоновъ отъ Дагестанскаго и Ширванскаго полковъ къ Бетлинской горѣ и приказалъ атаковать на ней непріятельскіе завалы, которые, какъ второй заслонъ, расположены были какъ разъ на пути наступленія нашего къ Ахкентскимъ высотамъ.

21 іюля мы съ разсвѣтомъ выступили изъ Сагрытло. Было тихое, безоблачное утро, предвѣщавшее жаркій день, а намъ предстояло взбираться очень высоко и при томъ вести наступленіе по узенькой тропинкѣ, которая, пролегая зигзагами черезъ густой чинаровый лѣсъ, упиралась прямо въ непріятельскіе завалы, спускавшіеся нѣсколькими ярусами почти отъ самой вершины Бетлинской горы. Тутъ главнымъ затрудненіемъ для атаки этихъ заваловъ было то, что баталіоны наши, не имѣя возможности развернуться по крутому склону горы, не могли дѣйствовать одновременно и атаковать противника общими силами. Это весьма важное обстоятельство не обѣщало, конечно, большого успѣха овладѣть намъ завалами безъ значительныхъ потерь, и потому рѣ-

шено было отыскать другую дорогу, по которой можно было бы или обойти эти укрѣпленія, или атаковать противника съ котораго нибудь изъ фланговъ. Совершенно неожиданно въ этомъ дѣлѣ помогъ намъ одинъ горецъ, взятый въ плѣнъ на Сагрытловской переправѣ — мальчикъ лѣтъ 13-ти, который за сохраненіе ему жизни указалъ генералу Ракуссу другой путь. Путь этотъ былъ на нѣсколько верстъ длиннѣе перваго и по необъяснимой причинѣ не былъ занятъ горцами, давая возможность колоннѣ нашей безъ всякихъ препятствій обойти непріятеля съ тыла и заставить его самого покинуть завалы.

Отправивъ всю кавалерію и обозъ по этой кружной дорогѣ, генералъ Ракусса, чтобы сократить путь пѣхотѣ, приказалъ идти ей прямо на гору и, занявъ вершину, ей остановиться тамъ до прибытія его съ обходной колонной.

Бетлинская гора покрыта сплошь густымъ чинаровымъ лѣсомъ и со стороны Койсу имѣетъ очень крутой подъемъ, взобраться по которому можно лишь съ величайшимъ трудомъ и къ тому же съ большимъ рискомъ скатиться на каждомъ шагу въ пропасть; тѣмъ не менѣе баталіоны, перекинувъ ружьи черезъ плечо, полѣзли, рассыпавшись, какъ муравьи, по всей горѣ. Первыми пошли такимъ образомъ ширванцы, а вслѣдъ за ними и мы. Сначала подъемъ былъ еще довольно доступенъ, но съ половины горы онъ сдѣлался настолько крутъ, что солдатамъ приходилось уже прямо карабкаться, хватаясь за траву и стволы деревьевъ. Много упущенныхъ котелковъ, шапокъ, мѣшковъ съ сухарями слетѣло сверху, проносясь мимо нашихъ головъ, но ихъ, конечно, никто не подбиралъ, и все это такъ и осталось тамъ гдѣ-то внизу.

Вдругъ впереди насъ послышались крики: берегись, братцы, берегись!—и въ ту же минуту мы всѣ замѣтили какую-то черную массу, мелькавшую между деревьями, которая, ударяясь безпрестанно о ихъ стволы, со страшною быстротою катилась внизъ. Это былъ превосходный вороной конь командира Ширванскаго полка полковника Кононовича, сорвавшійся съ кручи. За первымъ конемъ точно также пронесся чей-то другой, а потомъ и третій. Конечно, удержать и спасти этихъ бѣдныхъ животныхъ было невозможно, и они всѣ такъ и погибли, разбившись совершенно вдребезги. Къ счастью еще, что при своемъ паденіи эти огромныя туши не зацѣпили никого изъ людей и не увлекли за собой въ пропасть, а то, конечно, многимъ, можетъ быть, пришлось бы обрѣсти свою могилу на днѣ этой страшной бездны.

Но вотъ, наконецъ, впереди, сквозь чащу лѣса, начали показываться проблески голубого неба, и вскорѣ мы стали выползать на вершину Бетлинской горы, которая представляла довольно узкій хребетъ съ едва замѣтной тропой по срединѣ. Здѣсь баталіоны наши должны были остановиться и ждать прибытія генерала Ракусы съ кавалерією и выюками.

Не велико было удовольствіе пролежать нѣсколько часовъ подъ палящими лучами іюльскаго солнца, но зато съ этой высоты можно было полюбоваться на чудную панораму, которая открывалась передъ нами по другую сторону Ахкентскихъ высотъ. Отсюда на далекое пространство виденъ былъ цѣлый лабиринтъ разбросанныхъ въ хаотическомъ безпорядкѣ горныхъ кряжей, которые рисовались въ полупрозрачной синевѣ полуденнаго зноя и давали такую величественную картину, что невольно приковывали къ себѣ глазъ. Но на всемъ этомъ горномъ пейзажѣ лежалъ отпечатокъ чего-то пустыннаго, безотраднаго, и только маленькіе аульчики, лѣпившіеся, какъ гнѣзда ласточекъ, по расщелинамъ голыхъ скалъ, напоминали отчасти, что и въ этой дикой природѣ таится та же жизнь и обитаютъ тѣ же люди.

Боже мой,—думалъ я, всматриваясь въ эту сѣрую, непривѣтливую даль, — вѣдь вотъ и здѣсь человѣкъ могъ создать для себя тотъ міръ, въ которомъ заключается весь смыслъ его существованія; и здѣсь у него несомнѣнно есть также и свое счастье и свои радости, которыя даютъ ему силу на борьбу съ его сурою жизнью и ея тяжелыми условіями.

Долго пришлось намъ ждать тутъ свою обходную колонну. Солнце при полномъ безвѣтріи жгло немилосердно, а кругомъ нигдѣ ни одной капли воды, чтобы освѣжиться и утолить жажду, которая начинала уже многихъ довольно сильно мучить. Но вотъ, спустя нѣсколько часовъ, показались наконецъ наши вьюки, и мы, пропустивъ ихъ мимо себя, тронулись впередъ.

До аула Ахкента, гдѣ предполагался ночлегъ, оставалось еще около 14 верстъ, а между тѣмъ трудный подъемъ на Бетлинскую гору при невыносимой жарѣ разморилъ солдатъ до того, что они цѣлыми массами начали валиться прямо на землю. — Воды, Бога ради хоть каплю воды!—кричали многіе изъ нихъ проходившимъ мимо солдатамъ, предлагая за одинъ лишь глотокъ всѣ свои деньги; но воды въ запасѣ давно уже ни у кого не было, и, конечно, помочь имъ въ этомъ было совершенно невозможно.

Да, трудные, тяжелые моменты выпадали иногда на долю нашихъ войскъ въ горахъ Кавказа, но, къ счастью, это случалось не слишкомъ часто, и то большею частію лишь въ лѣтнюю пору. Ощущеніе жажды доходило теперь до того, что многіе, чтобы вызвать у себя какую нибудь влагу во рту, клали на языкъ пулю, жевали листья съ деревьевъ; но пули не приносили никакой пользы, а листья растеній давали только лишь горкій, непріятный сокъ и нисколько не утоляли жажду. Послѣдовавъ примѣру другихъ, я тоже сталъ было продѣлывать съ собою тѣ же опыты, но ничто не помогало: языкъ и горло пересохли до того, что я съ трудомъ ужъ могъ говорить; къ глазамъ прилиwała кровь, туманилась голова, стало даже притупяться сознаніе, и я, потерявъ

наконецъ послѣднія силы, въ полномъ изнеможеніи упалъ на дорогу.

Не знаю, сколько времени пролежалъ я въ такомъ состояніи, очень близкомъ къ обмороку, какъ вдругъ почувствовалъ на своемъ лицѣ брызги холодной воды, которые заставили меня очнуться. Я раскрылъ глаза и вскрикнулъ отъ радости, увидя передъ собою солдата, державшаго въ обѣихъ рукахъ по сапогу, наполненному водою; изъ одного изъ нихъ онъ ртомъ набиралъ воду и, стараясь привести меня въ чувство, прыскалъ мнѣ ею въ лицо. Замѣтивъ, что я началъ приходить въ сознаніе, солдатъ тотчасъ же пододвинулъ ко мнѣ одинъ изъ этихъ сапоговъ и съ полнымъ участіемъ сталъ предлагать мнѣ изъ него напиться.

У насъ на Руси говорятъ, что кто на морѣ не бывалъ, тотъ Бога не знавалъ; а я къ этому прибавилъ бы еще: — кто въ походахъ не бывалъ, тотъ и нужды не видалъ. И кто бы повѣрилъ, чтобы можно было рѣшиться пить какую-то отвратительную муть, добытую изъ полувисохшаго болотца и принесенную при этомъ въ пропитанномъ дѣтнемъ и потомъ, грязномъ солдатскомъ сапогѣ, только что снятомъ съ его же ноги, — а я пилъ эту вонючую влагу, которую нельзя было даже назвать водою, и пилъ ее съ такою жадностію, что готовъ былъ, кажется, осушить весь сапогъ до дна. Къ счастью, бывалый солдатъ не далъ мнѣ долго наслаждаться этимъ нектаромъ и, отнявъ чуть не силою отъ меня сапогъ съ водою, поспѣшилъ его унести.

Но какъ ни плоха была эта вода, а она все-таки освѣжила меня настолько, что я ту же минуту почувствовалъ себя гораздо бодрѣе и, поднявшись на ноги, пошелъ догонять своихъ людей. Между тѣмъ наше обходное движеніе, оказавшееся весьма удачнымъ, совершенно разстроило планы горцевъ, и они, видя, что удержать наступленіе русскихъ имъ будетъ невозможно, бросили послѣ незначительной перестрѣлки всѣ свои укрѣпленія и скрылись, очистивъ намъ совершенно путь къ Ахкенту, куда къ ночи и собрался весь отрядъ, расположившись бивакомъ близъ самаго аула Ахкента.

Высоко стояло солнышко надъ нами, когда я проснулся на другой день. Раскинувшійся по огромному полю лагерь курился безчисленными кострами, и солдаты группами копошились около нихъ, заваривая въ котелкахъ свой традиціонный рябокъ ¹⁾. Смѣхъ и веселый говоръ ихъ, пересыщаемый шутками и остротами, несся со всѣхъ сторонъ, и, казалось, всѣ труды вчерашняго дня уже были забыты.

Взятіе Сагрытловской переправы и затѣмъ Ахкентскихъ высотъ имѣло тѣ важныя послѣдствія, что на другой же день въ лагерь

¹⁾ Любимое кушанье солдатъ, состоящее изъ толченыхъ сухарей, сваренныхъ въ водѣ съ примѣсью свиного сала.

къ намъ явились старшины всѣхъ окрестныхъ ауловъ съ изъявленіемъ своей покорности русскому правительству. Давая клятву быть отнынѣ вѣрными намъ, старшины говорили, что народъ ихъ сильно разоренъ, что онъ ведетъ войну лишь по принужденію Шамиля, и что теперь почти всѣ общества готовы положить оружіе и даже содѣйствовать русскимъ во всѣхъ ихъ дальнѣйшихъ предпріятіяхъ, надѣясь такимъ путемъ положить конецъ этой тяжелой для нихъ войнѣ, которая служить лишь только бѣдствіемъ для ихъ народа. Конечно, заявленія этихъ представителей не могли быть не приняты къ свѣдѣнію, и командующій войсками, приказанъ одѣлать старшинъ подарками, отпустилъ ихъ всѣхъ по своимъ ауламъ.

Пять дней простоялъ отрядъ нашъ у Ахкента, устроилъ здѣсь укрѣпленный вагенбургъ для склада провіанта и фуража и, оставивъ его подъ охраною нѣсколькихъ ротъ, выступилъ 27 іюля къ главному чеченскому отряду, который въ это время находился въ сборѣ у селенія Тандо. Движеніе началось обычнымъ порядкомъ, но теперь путь нашъ пролегалъ по засѣяннмъ хлѣбами полямъ и довольно сносной дорогѣ. Мы почти безъ всякихъ остановокъ прошли около 15 верстъ, миновали еще до полудня огромную Арактаускую равнину и, спустившись къ аулу Цатанихъ, остановились около него для большого привала.

Селеніе Цатанихъ лежитъ въ глубокой лощинѣ и памятно еще многимъ ветеранамъ кавказской войны по кровавому событію, которое произошло тамъ при возстаніи горцевъ въ 1843 г. «Сюда,—описывая эти событія, говоритъ г. Окольниковъ¹⁾,—въ началѣ сентября 1843 г. Шамиль направилъ огромныя скопища. Старое укрѣпленіе при Цатанихѣ въ то время было только что разломано, а стѣны новаго не успѣли еще вывести, и потому гарнизонъ его, состоявшій изъ двухъ ротъ численностью въ 180 штыковъ, былъ помѣщенъ въ одной изъ частей аула, которую для защиты отъ горцевъ начальникъ гарнизона Апшеронскаго полка, капитанъ Дементьевъ, по приказанію генерала Клугенау, обнесъ завалами. Онъ приступилъ уже къ устройству и редута, какъ вдругъ появились непріятельскія скопища, и работы должны были прекратиться. Капитанъ Дементьевъ, человекъ довольно преклонныхъ лѣтъ, принадлежалъ къ исчезнувшимъ уже нынѣ типамъ старыхъ воиновъ. Съ ограниченными понятіями, грязный, любившій придерживаться чарочки, онъ подъ грубой оболочкой таилъ въ себѣ мужественную энергію, рѣшительность и горячее сердце. Военное поприще его протекло мирно, и, выслуживъ пенсію, онъ уже подалъ въ отставку, какъ вдругъ событія 1843 г. неожиданно увлекаютъ его въ общій коловоротъ. И вотъ Дементьевъ сразу покидаетъ прежнія привычки и украшаетъ свои послѣдніе дни подвигами истиннаго

¹⁾ Перечень событій въ Дагестанѣ.

геройства. До того времени ходившій замарашкою и почти никогда не бреясь, теперь, какъ будто предчувствуя катастрофу, онъ тщательно исправляетъ свой туалетъ, надѣваетъ новый сюртукъ и, сотворивъ теплую молитву передъ маленькимъ образомъ, благословеніемъ родительскимъ, съ которымъ никогда не разставался, является передъ гарнизономъ.

— «Ребята,—сказалъ онъ,—оставляя васъ здѣсь, генераль Клугенау надѣялся, что вы будете вести себя молодцами, отстоите крѣпость или умрете до единого и тѣмъ исполните свой воинскій долгъ, какъ подобаетъ истиннымъ и вѣрнымъ слугамъ нашего великаго государя. Какъ начальникъ вашъ, я умру послѣднимъ, но не изъ трусости, а чтобъ посмотреть на того, кто осмѣлится меня пережить. Шамиль уже приближается, а помощи ожидать намъ неоткуда: вы видите, въ какомъ мы захолустѣ, а на жителей надежда плоха. Итакъ, встрѣтимъ дорогого гостя, какъ мы его встрѣчали всегда—мѣткой пулей и молодецкимъ штыкомъ; будемъ, братцы, драться на смерть, и устоимъ или ляжемъ здѣсь все до единого.

«Единодушное «ура», раздавшееся въ рядахъ солдатъ, было отвѣтомъ на эти геройскія слова.

«Около 10 часовъ утра по окрестнымъ высотамъ показались передовыя партіи непріятеля подъ предводительствомъ одного изъ храбрыхъ нанбовъ Шамиля—Шаубъ-Муллы. Жители тотчасъ же измѣнили намъ и не только не задержали непріятеля, но даже помогли ему овладѣть укрѣпленной частью селенія, вблизи которой былъ помѣщенъ паркъ. Измѣна ихъ, поставивъ гарнизонъ въ отчаянное положеніе между двухъ огней, принудила его очистить аулъ и расположиться лагеремъ въ недостроенной части новаго укрѣпленія.

«Едва роты успѣли размѣститься на новой позиціи, какъ непріятель, пріобрѣтя передачею аула на его сторону возможность маскировать свои движенія, бросился на приступъ, но былъ отбитъ. Эта первая неудачная попытка, стоившая значительной потери, заставила его до прибытія орудій ограничиться перестрѣлкой, мало наносившей, однако, намъ вреда.

«Часу въ пятомъ пополудни непріятель вовсе прекратилъ огонь и расположился на ночлегъ; тѣмъ временемъ Дементьевъ успѣлъ кое-какъ окопаться и устроить барбетную батарею. Находившаяся шагахъ во ста отъ лагеря башня съ 12-ю человѣками гарнизона содѣйствовала, хотя и весьма слабо, общей оборонѣ позиціи.

«Между тѣмъ къ непріятелю все подходили подкрѣпленія, и скопище его наполнило весь аулъ и усыяло окрестныя высоты; вмѣстѣ съ тѣмъ прибыли и везомыя на рукахъ три орудія. Вся ночь на 7-е число была употреблена на устройство батареи и заваловъ, откуда бы можно было дѣйствовать безвредно для себя, по нашей батарее.

«Съ разсвѣтомъ 7 сентября непріятель со всѣхъ сторонъ открылъ жестокій ружейный и артиллерійскій огонь, и ободряемый личнымъ присутствіемъ Шамиля, который прибылъ сюда въ ночь, нѣсколько разъ бросался на приступъ. Но гарнизонъ, руководимый храбрымъ капитаномъ Дементьевымъ и поручикомъ Водарскимъ, несмотря на свои потери, не колебался, а картечь нашихъ двухъ орудій значительно рѣдила непріятельскія толпы. Къ полудню, отъ неумолкаемаго ни на минуту огня и частыхъ атакъ, потери съ обѣихъ сторонъ были весьма значительны. У непріятеля, по увѣренію его самого, выбыло до 500 человѣкъ, у насъ оставалось около 80 человѣкъ, которые, ставъ по обѣимъ сторонамъ батареи, готовились умереть всѣ до единого. Тогда Шамиль предложилъ Дементьеву сдаться, но встрѣтилъ отказъ. Еще болѣе раздраженный такимъ упорствомъ, чѣмъ даже своими потерями, онъ поклялся, что готовъ еще пожертвовать пятьюстами своихъ лучшихъ мюридовъ, чтобы овладѣть нашимъ укрѣпленіемъ и жестоко наказать русскихъ.

«Часу во второмъ пополудни Шамиль приказалъ перевести два орудія въ аулъ, откуда горцамъ было гораздо удобнѣе дѣйствовать по нашей батарее, и вскорѣ огонь ихъ истребилъ всю нашу артиллерійскую прислугу. Тогда Дементьевъ самъ бросился съ банникомъ въ рукахъ къ орудію, но новый выстрѣлъ опрокинулъ единорогъ и контузилъ храброго капитана. На батарее произошло минутное замѣшательство, которое не укрылось отъ глазъ непріятеля, и мюриды со всѣхъ сторонъ бросились въ шашки, истребивъ въ рукопашной схваткѣ всѣхъ до одного.

«Затѣмъ непріятель легко разрушилъ верхній этажъ башни и овладѣлъ оставшимися тамъ въ живыхъ семью нижними чинами.

«Шамиль громко торжествовалъ свою побѣду, купленную имъ дорогою цѣною. Его трофеями были два нашихъ орудія и весь паркъ. Всѣ защитники Цатаниха, за исключеніемъ десяти человѣкъ нижнихъ чиновъ, пали, и тѣла ихъ Шамиль приказалъ сжечь, что, по понятіямъ мусульманъ, считается высшею степенью позора. Но этотъ позоръ былъ купленъ геройскою защитою, память о которой и до сихъ поръ живетъ въ разсказахъ горцевъ о молодцѣ капитанѣ и храбромъ гарнизонѣ Цатаниха».

Вотъ у этого-то аула, на томъ мѣстѣ, гдѣ происходила эта отчаянная рѣзня, мы дѣлали теперь привалъ, расположившись группами подъ тѣнью развѣсистаго тутовника, который почти со всѣхъ сторонъ окружалъ аулъ. Поднявшееся на безоблачномъ небѣ солнышко начинало уже опять раскаливать воздухъ, и намъ предстояла еще добрая половина пути по Аварской долинѣ и только лишь у Мочекскаго ущелья остановиться на ночлегъ.

Аварская долина, составляя одну изъ плодороднѣйшихъ частей средняго Дагестана, тянется на нѣсколько десятковъ верстъ и густо населена аулами. Дорога проходитъ равниною между двумя

невысокими хребтами горныхъ кражей, покрытыхъ зеленѣющими лугами, полями, засѣянными кукурузою, и, сворачивая отъ аула Шагода влѣво, поднимается на значительную высоту, съ которой и начинается круто опять спускаться къ Андійскому Койсу. Вся эта мѣстность совершенно безлѣсна, а потому тутъ необходимо имѣть запасъ топлива съ собою. Въ кавказскихъ походахъ солдаты въ такихъ случаяхъ обыкновенно уже сами заботятся объ этомъ и, примостивъ къ своему ранцу какую нибудь щепку или сучокъ, несутъ этотъ лишній, необходимый грузъ иногда нѣсколько верстъ къ своему ротному котлу. Конечно, такой способъ заготовленія топлива служилъ подчасъ немалымъ обремененіемъ для солдатъ, но онъ, тѣмъ не менѣе, весьма часто практиковался у насъ и въ особенности въ Аваріи, гдѣ лѣсовъ вообще очень мало.

Переходъ въ этотъ день, какъ я уже говорилъ, выдался большой и трудный, но еще труднѣе досталось намъ на бивакѣ, гдѣ со снѣговыхъ горъ дулъ такой холодный, пронизывающій до костей, вѣтеръ, что мы не знали, чѣмъ и согрѣться. Развести костровъ было нечѣмъ, и мы всю ночь дрожали, съ нетерпѣніемъ ожидая разсвѣта, а съ нимъ вмѣстѣ и появленія солнышка. Къ счастью еще, что намъ удалось поѣсть горячаго, и то лишь благодаря запасливости нашего солдата, о чемъ я только что упомянулъ.

Выступили мы съ этого бивака на другой день рано утромъ, но по измѣнившейся дислокаціи должны были слѣдовать теперь не въ Тандо, гдѣ находился нашъ главный отрядъ, а черезъ Хунзахъ перейти къ Тилитлю, занявъ позицію въ одномъ лишь переходѣ отъ Гунниба, на которомъ Шамиль послѣ всѣхъ поражений успѣлъ укрыться съ послѣдними остатками еще преданныхъ ему мюридовъ. Тамъ, сосредоточивъ всю свою артиллерію и укрѣпившись за валами, этотъ борецъ, все еще отстаивая свою свободу, рѣшился биться съ русскими до послѣдней капли крови.

Въ горахъ Кавказа почти всякій шагъ имѣетъ свою исторію и связанъ съ воспоминаніями о томъ или другомъ событіи, которыми до чрезвычайности богата вся эта страна. Хунзахъ, служившій долгое время русскимъ весьма важнымъ стратегическимъ пунктомъ, при возстаніи горцевъ въ 1843 г. не избѣжалъ также въ свою очередь катастрофы и, какъ многіи изъ нашихъ крѣпостей въ Дагестанѣ, сдѣлался въ то время однимъ изъ самыхъ значительныхъ трофеевъ Шамиля, упрочившихъ еще болѣе его владычество въ Аваріи. Бывшій когда-то столицею аварскихъ хановъ, а нынѣ небольшая, бѣдная деревушка, Хунзахъ въ то смутное время въ краѣ былъ еще довольно значительнымъ селеніемъ, вблизи котораго находилась наша крѣпость съ гарнизономъ около трехъ тысячъ человѣкъ. Когда, упоенный цѣлымъ рядомъ крупныхъ удачъ, въ ноябрѣ 1843 г. сюда подступилъ съ

огромными полчищами Шамиль, и, имѣя подѣ рукою своего отважнаго наиба Хаджи-Мурата, осадилъ со всѣхъ сторонъ эту крѣпость, начальникомъ гарнизона въ ней былъ извѣстный герой Кавказа, генеральнаго штаба подполковникъ Пассекъ¹⁾. Видя себя отрѣзаннымъ отъ русскихъ отрядовъ и уступая силѣ обстоятельствъ, онъ принужденъ былъ тогда оставить Хунзахскую крѣпость и отступить съ своимъ отрядомъ къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. И вотъ, какъ рассказывали очевидцы, уничтоживъ всѣ запасы, которыхъ было довольно много въ крѣпости, и изрубивъ лафеты крѣпостныхъ орудій, по его приказанію сброшенныхъ съ кручи, онъ сталъ отступать, заложивъ предварительно мины во многихъ мѣстахъ съ такимъ, однако, расчетомъ, чтобы приложенныя къ нимъ зажженные стопины могли взорвать ихъ въ то время, когда отрядъ отойдетъ на значительное разстояніе отъ крѣпости.

Хотя жители Хунзаха, оставаясь вѣрными русскимъ до самаго выхода ихъ изъ крѣпости, съ величайшимъ сожалѣніемъ и даже плачемъ провожали наши войска, но, конечно, должны были покориться Шамилю, и по уходѣ отряда тотчасъ же всѣ присоединились къ толпамъ мюридовъ.

«Въ 5 часовъ пополудни я выступилъ изъ Хунзаха,—доносилъ подполковникъ Пассекъ командующему войсками, генералу Клуге-нау.—Жители преслѣдовали меня слабо и видимо только для оправданія себя передъ Шамилемъ. Я отошелъ безъ всякихъ потерь и уже далеко былъ отъ крѣпости, когда бѣлый столбъ свѣта озарилъ вдругъ Хунзахъ. Это былъ взорванъ паркъ. За первымъ взрывомъ вскорѣ послѣдовали и другіе. Гранаты и патроны, которые я не могъ захватить съ собою, лопались во множествѣ и, по словамъ перебѣжчиковъ, дѣлали большія опустошенія. Взрывомъ парка были разрушены казармы, комендантскій домъ и часть крѣпостной стѣны, на которой погибло очень много мюридовъ, кинувшихся съ яростію въ оставленное укрѣпленіе. Смятеніе и ужасъ горцевъ были такъ велики, что они бросились изъ укрѣпленія и долго потомъ не рѣшались приближаться къ нему. Впрочемъ жителей я заранѣе предупредилъ о взрывахъ, которые должны будутъ разрушить крѣпость послѣ нашего отступленія, и потому изъ нихъ никто при этомъ не пострадалъ».

Теперь на мѣстѣ разрушенной крѣпости видны были однѣ глубокія ямы да кучи мусора, и только по незначительнымъ остаткамъ еще можно было различить существовавшія здѣсь когда-то крѣпостныя стѣны и нѣкоторыя другія постройки.

Миновавъ Хунзахъ, жители котораго встрѣтили насъ довольно дружелюбно, отрядъ потянулся далѣе и черезъ полчаса подошелъ къ спуску, который отсюда велъ въ долину Аварскаго Коису.

¹⁾ Подполковникъ Пассекъ въ чинѣ генерала былъ убитъ въ Чечнѣ при занятіи аула Дарго въ 1846 г.

Надобно сказать, что въ Дагестанѣ въ то время всѣ пути, большею частію, состояли изъ горныхъ тропинокъ или такихъ трудно проходимыхъ дорогъ, что движеніе по нимъ даже и небольшихъ отрядовъ сопряжено было съ огромными затрудненіями, въ особенности, если при отрядѣ находилась артиллерія, которую въ иныхъ мѣстахъ приходилось перетаскивать на рукахъ иногда на довольно значительное разстояніе. При такихъ условіяхъ нерѣдко бывали случаи, что даже маленькій отрядъ съ нѣсколькими орудіями въ теченіе полудня едва лишь успѣвалъ сдѣлать какія нибудь три, четыре версты, и большимъ счастіемъ для себя считалъ начальникъ отряда, если у него все обходилось благополучно, и ни одинъ человѣкъ или вьюкъ не свалился въ кручу, изъ которой ихъ не всегда можно было и вытащить. Какъ примѣръ одной изъ такихъ дорогъ, я могу указать на дорогу близъ бывшаго укрѣпленія Преображенскаго, по которой намъ пришлось возвращаться изъ Ункротля послѣ усмиренія въ этомъ краѣ возстанія горцевъ въ 1861 г. Тамъ въ одномъ мѣстѣ отряду нашему, состоявшему изъ трехъ баталіоновъ и четырехъ горныхъ орудій, нужно было пройти по берегу Андійскаго Койсу узенькимъ полутоннелемъ, пробитымъ въ скалѣ надъ обрывомъ, который сажень на тридцать возвышался надъ рѣкою. Этотъ полутоннель тянется всего на протяженіи какихъ нибудь ста шаговъ, но, чтобы перейти эти кавказскія Оермоны, нашъ маленький отрядъ долженъ былъ употребить почти цѣлыхъ восемь часовъ. И это еще при тѣхъ условіяхъ, когда весь край находился на мирномъ положеніи, и со стороны горцевъ не могло быть оказано намъ никакого препятствія. Правда, въ Аваріи встрѣчалось много дорогъ и правильной разработки, проложенныхъ еще генераломъ Фези въ началѣ сороковыхъ годовъ, но, во-первыхъ, такія дороги проложены имъ были не вездѣ, а, во-вторыхъ, время, да и сами горы, съ цѣлью затруднить наши движенія въ горахъ, такъ испортили ихъ, что ими не всегда можно было и пользоваться.

Хунзахскій спускъ, не бывшій никогда разработаннымъ, представлялъ въ то время что-то до того ужасное, что трудно даже дать о немъ точное понятіе. Начинаясь верстахъ въ двухъ отъ аула Хунзаха, спускъ этотъ шелъ извилинами по крутой горѣ, пролегая тропинкою то надъ страшными обрывами, то по полутоннелямъ съ такими узкими проходами, что пройти черезъ нѣкоторые изъ нихъ, не развьючивъ предварительно лошади, было совершенно невозможно; къ тому же на всемъ пути встрѣчалось множество большихъ уступовъ, которые саперамъ приходилось разрабатывать кирками и ломами, что вмѣстѣ до того замедлило наше движеніе, что арьергардъ, въ которомъ мы находились, подойдя къ спуску около 4-хъ часовъ пополудни, только лишь къ полуночи могъ кое-какъ добраться до половины горы. Вотъ и молодая

луна спустилась за горы, вотъ и утренняя заря показалась на востокѣ, окрасивъ розовымъ свѣтомъ вершины скалъ, а мы все еще продолжали спускаться, посылая тысячи проклятій этой адской дорогѣ, разбившей всѣ мечты наши о близкомъ отдыхѣ и горячемъ ужинѣ, который такъ заманчиво дымился въ котлахъ на берегу рѣки и всего въ какой-нибудь верстѣ отъ насъ.

Давно, давно уже свѣтило намъ солнышко, когда измученные труднымъ переходомъ, безъ пищи и сна въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ, мы подошли наконецъ къ своему биваку, сдѣлавъ послѣдній спускъ, всего лишь три съ половиною версты, въ четырнадцать часовъ. Но какъ ни нуждались мы теперь въ отдыхѣ, а намъ, однако, здѣсь не пришлось имъ воспользоваться, какъ бы это слѣдовало, и едва лишь солдаты успѣли поѣсть горячей кашицы, какъ барабаны опять забили походъ, и баталіоны начали становиться въ ружье.

Хотя переходъ въ этотъ день предполагалось сдѣлать небольшой, но въ виду того, что намъ впереди предстоялъ опять крутой подъемъ на Тилитлинскую гору, генералъ Ракусса спѣшилъ, какъ можно ранѣе выступить съ бивака, чтобы до наступленія жары подняться къ вершинѣ ея и уже тамъ дать болѣе продолжительный отдыхъ отряду. Мы еще не тронулись съ мѣста, какъ со стороны аула Голотля показалась небольшая партія горцевъ, которая, какъ можно было замѣтить, направлялась прямо къ нашему биваку. Впереди этой партіи ѣхалъ очень почтенныхъ лѣтъ старикъ съ бѣлой чалмой на папахѣ, что означало, что онъ принадлежалъ къ высокому сану и носилъ почетное званіе. Подѣхавъ къ биваку, партія освѣдомилась у солдатъ, гдѣ находится начальникъ нашего отряда, и по ихъ указанію прямо прослѣдовала къ палаткѣ генерала. Это былъ тилитлинскій наибъ, Кибитъ-Магома, одинъ изъ главныхъ предводителей мюридовъ, который со свитою пріѣхалъ теперь изъ Тилитля, чтобы изъяснить свою покорность русскому правительству и вмѣстѣ съ тѣмъ привѣтствовать генерала.

Кибитъ-Магома, извѣстный русскимъ еще съ 1837 г., игралъ весьма значительную роль въ горахъ. Какъ человѣкъ замѣчательнаго ума и храбрости, онъ сумѣлъ въ короткое время пріобрѣсти сильное вліяніе на народъ и даже вселить въ немъ убѣжденіе въ своей мнимой святости, что давало ему право пользоваться не только уваженіемъ, но и большимъ вѣсомъ среди всѣхъ горцевъ. Добиваясь постоянно власти, онъ для достиженія своихъ цѣлей не гнушался никакими путями и, чтобы не имѣть преградъ, постарался даже для этого уничтожить всю свою большую родню. Въ началѣ сороковыхъ годовъ онъ дѣлается тилитлинскимъ наибомъ, а возстаніе 1843 г. въ Дагестанѣ дастъ ему обширное поле для дѣятельности. Предводительствуя большими скопищами,

онъ взялъ тогда наше Гоцатлинское укрѣпленіе и съ азіатскою безпощадностью вырѣзалъ въ немъ весь гарнизонъ.

Вотъ этого-то дагестанскаго наиба, когда-то заклятаго врага русскихъ, мы видѣли теперь передъ собою. Его умное, выразительное лицо, самоувѣренный взглядъ и гордая осанка, съ которою онъ сидѣлъ на лошади, невольно заставили обратить вниманіе на этого человѣка, тѣмъ болѣе, что многочисленные рассказы о немъ старыхъ кавказцевъ въ то время еще у многихъ были свѣжи въ памяти.

Подѣбавъ къ палаткѣ генерала Ракусы, Кибитъ-Магома съ помощію своихъ нукеровъ слѣзъ съ коня, важно и неторопливо слѣлъ на разостланную для него бурку и послалъ доложить о себѣ генералу Ракусѣ, который тотчасъ же пригласилъ его въ палатку, гдѣ между ними и произошла аудіенція, продолжавшаяся, впрочемъ, очень недолго. Выйдя отъ генерала, Кибитъ-Магома съ тою же неторопливостію слѣлъ опять на подведенную ему лошадь и въ сопровожденіи своей свиты отправился обратно.

Съ отѣздомъ Кибитъ-Магомы нашъ отрядъ двинулся вдоль берега Койсу на аулъ Голотль и, перейдя здѣсь рѣку черезъ довольно ветхій деревянный мостъ, который подъ ногами нашими сильно покачивался, грозя, казалось, ежеминутно обрушиться, сталъ вытягиваться по узенькой и крутой тропинкѣ на гору. Дикая природа этой совѣтъ неизвѣстной намъ мѣстности заставила генерала Ракусу почти съ самаго начала движенія принять всѣ мѣры предосторожности, но все, однако, обошлось благополучно, за исключеніемъ лишь развѣ того, что, поднявшись на довольно значительную высоту, мы попали подъ проливной дождь, который въ нѣсколько минутъ смочилъ насъ до нитки. Впрочемъ эта маленькая непріятность не испортила того впечатлѣнія, какое произвела на всѣхъ насъ чудная картина, представившаяся съ горы. Тамъ внизу солнышко, щедро разсыпая лучи, весело играло по яркой зелени садовъ, тянувшихся длинною лентою по берегу рѣки, а здѣсь, въ какихъ нибудь двухъ, трехъ верстахъ, хмурое небо поливало дождемъ, черезъ который, какъ будто сквозь сѣть, вся долина Аварскаго Койсу рисовалась въ какомъ-то фантастическомъ видѣ. Казалось съ высоты, что природа въ одно время и смѣялась, и плакала, какъ избалованная женщина, которая, проливая капризные слезы, даритъ васъ въ то же время своею улыбкою. Пейзажъ выходилъ такимъ оригинальнымъ и до того очаровательнымъ, что нельзя было на него не засмотрѣться, тѣмъ болѣе, что подобное явленіе природы даже и въ горахъ Кавказа можно наблюдать весьма рѣдко, и лишь при томъ условіи, когда горы и долины находятся между собою въ очень рѣзкихъ контрастахъ.

Сдѣлавъ переходъ около десяти верстъ, мы къ полудню достигли Тилитлинской горы, или, какъ называли ее солдаты, Чемо-

дантъ-горы ¹⁾), и, простоявъ около нея нѣсколько дней, перешли 2 августа въ урочище Гунимеръ, расположившись общимъ лагерьмъ въ небольшомъ лишь переходѣ отъ горы Гуниба. Стоянка въ Гунимерѣ при умѣренномъ на этой высотѣ климатѣ и отличной погодѣ была прекрасна. Мы простояли тутъ нѣсколько дней, наслаждаясь полнѣйшимъ спокойствіемъ, которое только однажды было нарушено незначительнымъ случаемъ, послужившимъ, впрочемъ, намъ даже нѣкоторымъ развлеченіемъ. Дѣло въ томъ, что въ одну изъ темныхъ ночей мюриды Шамили, пытаясь провезти на Гунибъ имущество имама и вмѣстѣ съ нимъ партію русскихъ плѣнныхъ, попались вблизи нашего лагеря въ руки куядинцевъ, которые, отбивъ у мюридовъ весь этотъ транспортъ, тотчасъ же представили его въ нашъ отрядъ. Конечно, этотъ случай имѣлъ для насъ большой интересъ, и вскорѣ около плѣнныхъ собралась цѣлая кучка офицеровъ и солдатъ, чтобы поглазѣть и поразспросить, кто и при какихъ обстоятельствахъ былъ взятъ въ плѣнъ.

Всѣхъ плѣнныхъ было человѣкъ около пятнадцати, и по ихъ изнуреннымъ лицамъ и тѣмъ рубищамъ, которыя едва лишь прикрывали ихъ тѣло, нельзя было не замѣтить, что эти несчастные давно уже терпятъ во всемъ страшную нужду. Тутъ же, какъ оказалось, между ними были и бѣглецы, въ числѣ которыхъ былъ даже одинъ солдатъ нашего полка, служившій когда-то денщикомъ у прапорщика Квинцинскаго, отъ котораго онъ бѣжалъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Онъ узналъ своего прежняго господина, который находился теперь съ нами же въ отрядѣ, и чистосердечно рассказалъ, что, потерявъ на водопоѣ его коня и боясь за это наказанія, онъ въ то же время рѣшилъ бѣжать въ горы, надѣясь или найти тамъ пропавшаго коня или украсть у горцевъ другую лошадь и съ нею вернуться потомъ обратно. Но планъ этотъ ему тогда не удался, и онъ, страшась еще большей ответственности за свой побѣгъ, такъ и остался въ горахъ. Много нужды и горя видѣлъ онъ тамъ; неоднократно пытался было опять бѣжать къ своимъ, но страхъ наказанія удерживалъ его. Шатаясь по разнымъ мѣстамъ, онъ попалъ наконецъ въ Чечню и пристроился въ качествѣ батрака къ одному зажиточному горцу. Здѣсь онъ страстно влюбился въ красавицу-чеченку, дочь своего хозяина, и, принявъ исламъ, женился на ней. Однако, жизнь среди чуждыхъ людей не дала ему возможности забыть свою родину; онъ началъ тосковать, бросилъ свою семью и ушелъ въ Аварію. Нынѣшній случай вернулъ его опять къ русскимъ. «И теперь,—заключилъ онъ рассказъ свой, упавъ на колѣни и заливаясь горькими слезами,—я на прощаніе уже не надѣюсь и готовъ принять всякую муку, чтобы хоть ею искупить свою вину».

¹⁾ Издали вершина Тилитлинской горы дѣйствительно нѣсколько напоминаетъ свою форму закрытый чемоданъ.

Что случилось потомъ съ этимъ дезертиромъ, а также и со всѣми другими,—неизвѣстно, но, вѣроятно, они такъ и погибли въ какихъ нибудь казематахъ нашей обширной Сибири, не увидѣвъ уже больше своей родной земли.

9 августа отрядъ нашъ былъ усиленъ прибывшими съ лезгинской линіи баталіонами кавказской гренадерской дивизіи, и съ этого времени всѣ войска начали стягиваться къ Гунибу.

Гунибская скала имѣетъ видъ усѣченного конуса и своимъ рельефомъ рѣзко выдѣляется среди окружающихъ ее горныхъ возвышенностей. Усѣченная по всей окружности отвѣсными обрывами, спускавшимися нѣсколькими ярусами къ подошвѣ, она казалась совершенно недоступною для овладѣнія ею открытою силою. Всѣ сколько нибудь значительныя трещины, гдѣ существовали у горцевъ едва замѣтныя тропинки для подъема на гору, какъ показали рекогносцировки, были взорваны порохомъ и задрѣланы прочными завалами, а заготовленные по окраинамъ горы въ огромномъ количествѣ камни, предназначавшіеся горцами для сбрасыванія ихъ внизъ на случай атаки русскими Гуниба, ясно указывали, что оборона этой горы предполагается ими крайне упорная. Къ тому же, по собраннымъ свѣдѣніямъ, на верхнемъ плато Гуниба находилось довольно много полей со снятыми уже съ нихъ хлѣбами и отличныхъ пастбищъ, на которыхъ паслись большія стада, что вмѣстѣ могло надолго обезпечить защитниковъ Гуниба и дать имъ возможность выдержать осаду весьма продолжительное время.

По плану, составленному въ главной квартирѣ, рѣшено было начать блокаду Гуниба оцѣпленіемъ горы со всѣхъ сторонъ небольшими отрядами, которые, поддерживая между собою постоянно связь, могли бы пресѣчь всякое сообщеніе Шамли съ окружающими аулами. Хотя подробный осмотръ мѣстности указалъ, что Гунибская скала по подошвѣ имѣетъ протяженіе около 50 верстъ, но на всемъ этомъ пространствѣ можно было во многихъ мѣстахъ занять весьма удобныя позиціи для нашихъ отрядовъ, которые при этомъ настолько могли быть удалены отъ вершины горы, что всякія попытки противника вредить имъ чѣмъ нибудь были невозможны.

10 августа отрядъ нашъ послѣ раннего обѣда снялся съ бивака, и къ вечеру того же дня всѣ части его приняли такой порядокъ: общій резервъ изъ 6 баталіоновъ пѣхоты, Сѣверскаго драгунскаго полка, 6-ти сотенъ туземной конницы при 14 орудіяхъ расположился на Кегерскихъ высотахъ; на восточномъ фасѣ стали два баталіона Ширванскаго полка съ 4 горными орудіями подъ командою командира полка, полковника Кононовича, а на сѣверномъ два другіе баталіона ширванцевъ, одинъ баталіонъ Самурскаго полка, 5 сотенъ конно-мусульманскаго полка и двѣ сотни

конной милиціи подѣ начальствомъ генераль-майора Тарханъ-Мурового; южную сторону заняли два баталіона Апшеронскаго полка, два баталіона Самурскаго полка и 21-й стрѣлковый баталіонъ подѣ командою командира Апшеронскаго полка, полковника Тергукасова, и наконецъ западную—два баталіона Дагестанскаго полка подѣ начальствомъ командира этого полка, полковника Радецкаго.

Окруженные со всѣхъ сторонъ горы съ перваго же дня открывали было по нашимъ лагерямъ ружейный огонь, но пули ихъ винтовокъ не могли соперничать съ нашими нарѣзными ружьями, и потому эта бесполезная перестрѣлка скоро ими была прекращена. Пробовали они также пускать и камни съ горы, но эти камни, иные величиною въ добрую копну сѣна, разбиваясь объ утесы скалы на тысячи кусковъ, производили только страшный грохотъ и не причиняли намъ тоже никакого вреда.

Видя себя безсильнымъ заставить чѣмъ нибудь русскихъ снять осаду, Шамиль вступилъ было въ переговоры, но переговоры эти, продолжавшіеся нѣсколько дней и имѣвшіе, какъ видно было, только цѣль оттянуть время, не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, а потому 22 августа они были прекращены, и съ этого времени во всѣхъ частяхъ начались приготовленія къ штурму.

Еще съ ночи 24 августа охотники Апшеронскаго полка подѣ командою капитана Скворцова, подкравшись къ горѣ, поднялись съ помощію веревочныхъ лѣстницъ къ верхнему ея уступу и, не замѣченные въ темнотѣ горами, засѣли тамъ подѣ скалою, а со стороны Кара-Койсу, гдѣ Гунибская скала хотя и имѣла довольно пологій спускъ, но была укрѣплена прочными каменными стѣнами съ крѣпостными орудіями, стрѣлки Ширванскаго полка заняли сады по рѣкѣ и, такимъ образомъ, почти вплотную приблизились къ подошвѣ горы. Только съ сѣверной и нашей стороны, гдѣ по недоступности нельзя было подойти ближе къ горѣ, войска въ этотъ день оставались на своихъ прежнихъ мѣстахъ.

Но вотъ наступилъ день 25 августа, тотъ знаменательный день, который навсегда останется отмѣченнымъ въ исторіи покоренія Кавказа. Было тихое, ясное утро. Въ нашемъ лагерѣ все шло обычнымъ порядкомъ: въ 10 часовъ пробилъ барабанъ на кашу, и къ котламъ уже потянулись вереницами солдаты, какъ вдругъ одинъ изъ часовыхъ замѣтилъ въ правой сторонѣ подходившую къ горѣ колонну, изъ которой мы вскорѣ всѣ услышали слабый звукъ сигнальнаго рожка, повторенный нѣсколько разъ: «движеніе лѣвому флангу».

Очевидно, это былъ сигналъ, передававшій намъ приказаніе о наступленіи къ Гунибу. Въ одинъ мигъ все засуетилось: котлы съ обѣдомъ были брошены, и баталіонъ во главѣ съ командиромъ полка, полковникомъ Радецкимъ, нѣсколько минутъ спустя, уже двигался къ горѣ.

Какъ ни казалась издали Гунибская скала мало доступною для подъема на нее съ нашей стороны, но лазутчикъ, знавшій прекрасно нѣ тропинки этой горы, повелъ отрядъ нашъ прямо къ ея подошвѣ, предупредивъ при этомъ полковника, что подъемъ отсюда на гору сильно испорченъ горцами и будетъ для насъ весьма не легокъ. Дѣйствительно, тропинка, по которой намъ надобно было подниматься, оказалась настолько крутою и узкою, что по ней можно было итти только лишь въ одного человѣка; къ тому же мягкій грунтъ земли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ сильно осыпался подъ ногами, что солдатамъ чуть не на каждомъ шагѣ приходилось исправлять путь, употребляя для этого, за неимѣніемъ шанцовога инструмента, даже штыки. Но вотъ головная часть достигла, наконецъ, послѣдняго уступа скалы. Здѣсь тропинка, дѣлая крутой поворотъ, проходила шага на три или на четыре по узенькому карнизу совершенно отвѣсной скалы. Это было самое трудное и самое опасное мѣсто. Представьте себѣ съ одной стороны скалу въ нѣсколько сажень вышины, а съ другой—ужаснѣйшую пропасть, въ которую и взглянуть-то было жутко. Тутъ одинъ какой нибудь невѣрно рассчитанный шагъ, и гибель неизбежна. Какъ умудрились перебраться безъ посторонней помощи по этому карнизу первые изъ нашихъ людей,—это для меня остается и до сихъ поръ непонятнымъ, но намъ всѣмъ пришлось продѣлывать въ этомъ мѣстѣ такія эквилибристическія движенія, что страшно о нихъ и вспомнить. Прежде всего надобно было перескочить глубокую расщелину, образовавшуюся въ скалѣ, затѣмъ ухватиться за штыкъ ружья, поданнаго перешедшимъ раньше, и, сдѣлавъ съ помощію его еще шага два надъ пропастью, выбираться потомъ по тропинкѣ кверху. Конечно, будь на вершинѣ хоть нѣсколько человѣкъ горцевъ, намъ едва ли удалось бы вылѣзть на эту скалу, но, къ нашему счастью, Шамиль, въ полной увѣренности, что отсюда русскимъ подняться будетъ невозможно, еще въ началѣ штурма приказалъ мюридамъ оставить эту сторону Гуниба и сосредоточиться къ укрѣпленіямъ восточнаго фаса, гдѣ съ самаго утра уже кипѣлъ ожесточенный бой съ ширванскими баталіонами, атаковавшими Гунибскую гору со стороны рѣки Кара-Койсу.

Но какъ бы тамъ ни было, а часа два, три спустя, мы уже были на горѣ и, построившись въ колонны, быстро двинулись всѣми частями къ аулу Гунибу.

Верхнее плато Гунибской скалы, занимая въ поперечникѣ отъ 4 до 6 верстъ, представляетъ довольно холмистую возвышенность, покрытую прекрасными пастбищами и полями. Нѣсколько табуновъ и большихъ стадъ овецъ привольно разгуливали по этимъ обширнымъ полямъ, но горцевъ не видно было нигдѣ. Мы безъ всякихъ остановокъ прошли около трехъ верстъ и, поднявшись на небольшую высоту, сразу очутились передъ самымъ ауломъ Гуни-

бомъ, лежавшимъ въ глубокой котловинѣ. Войска, раньше насъ сюда прибывшія, стояли плотною стѣною вокругъ селенія, но хранили полнѣйшую тишину, прерываемую иногда только рѣдкими выстрѣлами изъ аула, которые, однако, вскорѣ прекратились совсѣмъ.

Итакъ, гора Г'унибъ-дагъ была взята; но не въ нашихъ рукахъ еще былъ аулъ и самъ Шамиль, заключившійся въ немъ съ преданными ему до фанатизма мюридами, которыхъ нужно было или чѣмъ нибудь склонить къ сдачѣ или просто взять силою. Рѣшивъ прибѣгнуть къ послѣднему средству лишь въ томъ случаѣ, если Шамиль будетъ сильно упорствовать, князь Барятинскій, по прибытіи своемъ на Г'унибъ, сдѣлалъ прежде всего распоряженіе, чтобы всѣ войска до приказанія оставались на занятыхъ ими мѣстахъ, и, расположившись самъ въ полуверстѣ отъ аула, приказалъ начать переговоры съ Шамилемъ.

Хотя разстояніе, отдѣлявшее горцевъ отъ нашихъ войскъ, было такъ не велико, что всѣ переговоры можно было вести словесно и не черезъ посланцевъ, но эти переговоры, длившіеся довольно долго, не привели, однако, ровно ни къ чему. Шамиль медлилъ, колебался и видимо умышленно оттягивалъ время, а между тѣмъ день начиналъ уже клониться къ вечеру. Не видя конца этому и не рассчитывая на добровольную сдачу Шамиля, главнокомандующій часу въ 4 пополудни велѣлъ своимъ адъютантамъ обѣхать войска и передать имъ слѣдующее приказаніе: если переговоры съ Шамилемъ не будутъ имѣть успѣха, то по третьему выстрѣлу изъ орудія всѣмъ войскамъ двинуться къ аулу и взять его штурмомъ.

Конечно, овладѣть этимъ небольшимъ селеніемъ, которое не имѣло никакихъ укрѣпленій, и въ которомъ насчитывалось всего лишь до трехъ сотъ мюридовъ и нѣсколькихъ сотъ человѣкъ жителей, не могло составлять для насъ сколько нибудь трудной задачи, но нельзя, однакоже, умолчать, какъ жутко становилось при мысли, что произойдетъ въ этомъ аулѣ, когда на него бросится со всѣхъ сторонъ вся эта огромная масса людей. Всѣмъ извѣстно было, что въ этомъ селеніи находились всѣ богатства Шамиля, награбленныя имъ при нападеніяхъ его на русскія крѣпости и селенія. Тутъ хранилась и та сотня тысячъ рублевиковъ, которую Шамиль получилъ отъ русскихъ за освобожденіе грузинскихъ княгинь Чавчавадзе и Орбеліани, взятыхъ имъ въ плѣнъ въ селеніи Цинондалахъ при вторженіи его въ Кахетію въ 1854 г. ¹⁾; сюда же, какъ въ самое крѣпкое и надежное мѣсто, свезены были и драгоценныя вещи, захваченныя горцами вмѣстѣ съ этими плѣн-

¹⁾ За освобожденіе плѣнныхъ грузинскихъ княгинь Шамиль запросилъ сначала миллионъ рублей и возвращеніе изъ Россіи сына его, Джамаль-Эддина, но потомъ уменьшилъ свои требованія и согласился взять сто тысячъ, съ условіемъ получить всѣ деньги звонкою монетою, что ему и было доставлено въ горы на нѣсколькихъ арбахъ.

ными семействами. Сблaзнь былъ великъ и могъ довести до страшнаго безпорядка, который во всемъ этомъ хаосѣ неминуемо долженъ былъ бы наступить, если бы дѣло дошло до штурма аула.

Но вотъ послѣ долгихъ переговоровъ изъ аула показался Юнусъ, одинъ изъ приближенныхъ наибовъ Шамиля. Ставъ у послѣдней сакли, онъ громкимъ голосомъ началъ кричать, что Шамиль согласенъ выйти къ русскимъ, но не иначе, какъ въ сопровожденіи полковника Лазарева, котораго поэтому онъ и проситъ прійти къ нему въ аулъ. Это заявленіе немедленно доложили главнокомандующему, и полковникъ Лазаревъ съ разрѣшенія его отправился въ аулъ, захвативъ съ собою только одного изъ своихъ переводчиковъ ¹⁾.

На небольшой площадкѣ, какъ рассказывалъ потомъ самъ полковникъ Лазаревъ, его встрѣтила толпа человѣкъ въ сорокъ, великолѣпно вооруженныхъ, самыхъ отчаянныхъ мюридовъ-любимцевъ Шамиля. Посреди этой толпы, облокотившись на стѣну сакли, стоялъ около сѣрой, осѣдланной лошади человѣкъ высокаго роста, съ угрюмымъ лицомъ. По величественной позѣ этого человѣка, которая рѣзко отличала его отъ другихъ, въ немъ не трудно было узнать Шамиля. Встрѣтивъ мюридовъ привѣтствіемъ, полковникъ Лазаревъ, не показывая вида, что узналъ грознаго повелителя горцевъ, спросилъ у мюридовъ, кто изъ нихъ Шамиль.

Ему указали на высокаго мужчину, и почти всѣ въ одинъ голосъ отвѣтили: «вотъ имамъ».

Поздоровавшись съ Шамилемъ и отвѣтивъ утвердительно ему на вопросъ, не онъ ли Лазаревъ,—полковникъ послѣ краткаго и нѣсколько тяжелаго молчанія сказалъ:

— Шамиль! всему міру извѣстно о твоихъ подвигахъ, и слава ихъ никогда не померкнетъ, если ты, покоряясь силѣ судьбы, выйдешь сегодня къ главнокомандующему и предашься великодушію государя императора, чѣмъ спасешь отъ гибели тысячу человѣкъ, оставшихся тебѣ вѣрными ²⁾. Согласись, что они за ихъ слѣпую и безграничную къ тебѣ преданность заслуживаютъ отъ тебя этой жертвы. Итакъ, имамъ,—продолжалъ полковникъ,—заверши свои славные подвиги поступкомъ благоразумія и великодушія, а сердарь ³⁾, облеченный царскою властію, можетъ многое для тебя сдѣлать: онъ будетъ ходатайствовать передъ государемъ императоромъ

¹⁾ Полковникъ Лазаревъ, превосходно владѣвшій татарскимъ языкомъ, отправился въ аулъ одинъ, безъ всякаго конвоя и взялъ съ собою переводчика на тотъ лишь случай, если бы ему нужно было дать какое нибудь извѣстіе о себѣ или Шамилѣ.

²⁾ Послѣ штурма Гунибъ-дага у Шамиля оставалось въ живыхъ 300 мюридовъ и аулъ съ населеніемъ до 700 человѣкъ.

³⁾ Сердарь—главнокомандующій.

объ обезпеченіи будущности твоей и твоего семейства. Я—Аллахъ ¹⁾! пойдемъ, нечего медлить! — рѣшительно прибавилъ полковникъ Лазаревъ.

Шамиль колебался. Онъ опять выразилъ сомнѣніе за свою безопасность и на увѣреніе полковника Лазарева въ полной неприкосновенности его особы сказалъ:

— Если ты такъ убѣжденъ, что со мною русскіе не поступятъ дурно, то иди къ моимъ сыновьямъ и останься тамъ, покуда я не вернусь обратно.

— Я присланъ сюда,—возразилъ полковникъ Лазаревъ,—по твоему желанію, чтобы вмѣстѣ итти къ главнокомандующему, а не присланъ къ тебѣ аманомъ. Если хочешь, пойдемъ теперь же, а не хочешь—я уйду одинъ.

Шамиль былъ въ нерѣшительности, тѣмъ болѣе, что въ толпѣ мюридовъ раздавался по временамъ грозный ропотъ, и одни, потрясая оружіемъ, говорили, что повелитель ихъ даромъ не попадется въ руки невѣрныхъ, и за смерть его русскіе дорого заплатятъ; другіе же прямо совѣтовали имаму не склоняться на убѣжденія полковника Лазарева.

Уговоривъ Шамиля не слушать безразсудныхъ совѣтовъ, полковникъ Лазаревъ обратился къ мюридамъ и въ рѣзкихъ выраженіяхъ выставилъ, какъ неблагоразумно съ ихъ стороны настаивать на бесполезномъ сопротивленіи, вмѣсто того, чтобы совѣтовать Шамилю полною покорностію избавить всѣхъ отъ неминуемой гибели.

Шамиль, оставаясь все еще въ нерѣшительности, спросилъ, что если онъ явится къ главнокомандующему, то позволено ли ему будетъ вернуться къ своему семейству; на это полковникъ Лазаревъ отвѣтилъ, что никто не хочетъ разлучать его съ семействомъ, и что, вѣроятно, не будетъ препятствій къ возвращенію его въ аулъ.

Наконецъ, Шамиль, видя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, рѣшился выйти къ главнокомандующему.

И вотъ въ аулѣ вдругъ произошло необыкновенное движеніе: показались на улицахъ кучки мюридовъ, замелькали, какъ тѣни, около сакель женскія фигуры, покрытыя съ головы до ногъ бѣлыми чадрами; все населеніе сразу засуетилось, зашумѣло и видимо начинало готовиться къ весьма важному въ его жизни событію. Мы стояли на тѣхъ же мѣстахъ и, храня попрежнему глубокую тишину, съ величайшемъ вниманіемъ слѣдили за всѣмъ, что происходило передъ нашими глазами, какъ вдругъ показался изъ аула Шамиль. Онъ вышелъ, охраняемый толпою мюридовъ, которые, окружая его со всѣхъ сторонъ, держали въ засученныхъ по

¹⁾ Я—Аллахъ во имя Бога.

локоть рукахъ винтовки наготовѣ. По одну сторону Шамиля слѣдовалъ полковникъ Лазаревъ, по другую его наибъ Юнусъ, а нѣсколько позади два нукера вели въ поводахъ его прекраснаго коня, покрытаго поверхъ сѣдла богатымъ чашракомъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ отъ аула, Шамиль пріостановился, бросилъ быстрый взглядъ вокругъ себя и вдругъ, совершенно неожиданно повернулъ назадъ. Нельзя было понять, что произошло съ Шамилемъ, но оказалось, что онъ отказывался выходить на глазахъ чепурхановъ ¹⁾, нашихъ конно-милиціонеровъ, которые были его страшными врагами. Милиціонеровъ тотчасъ же отодвинули назадъ, и шествіе возобновилось снова въ томъ же порядкѣ.

Когда Шамиль отошелъ уже на значительное разстояніе отъ аула, въ войскахъ вдругъ загремѣлъ страшный взрывъ «ура», огласившій далеко всю окрестность. Пораженный неожиданнымъ и хорошо ему знакомымъ боевымъ крикомъ русскихъ, Шамиль въ тревожномъ недоумѣніи опять остановился. Минута была рѣшительная, и это случайное обстоятельство могло бы окончиться весьма печально, но находчивость полковника Лазарева поправила дѣло. Онъ въ ту же минуту крикнулъ Шамилю, что русскія войска, по приказанію сердаря, его привѣтствуютъ, и подозрительный Шамиль, нѣсколько успокоившись, продолжалъ путь ²⁾.

Не доходя шаговъ ста до главнокомандующаго, мюриды, сопровождавшіе Шамиля, были остановлены, а онъ вмѣстѣ съ полковникомъ Лазаревымъ и Юнусомъ прослѣдовалъ къ тому мѣсту, гдѣ находился самъ князь, которому, однако, при своемъ приближеніи Шамиль не сдѣлалъ никакого привѣтствія и даже не поклонился.

— Шамиль!—сказалъ князь Барятинскій, не вставая съ камня, на которомъ онъ сидѣлъ ³⁾,— я предлагалъ тебѣ пріѣхать въ лагерь на Кегерскія высоты, обѣщая выгодныя условія. Ты тогда не захотѣлъ этого сдѣлать; ну, такъ я самъ съ войсками пришелъ сюда, и, конечно, условія, предложенныя тебѣ прежде, теперь не имѣютъ уже мѣста. Твоя участь будетъ зависѣть отъ государя императора; но я надѣюсь, что его величество уважитъ мое ходатайство и даруетъ неприкосновенность, какъ тебѣ, такъ и твоему семейству.

Когда слова эти переданы были Шамилю, онъ отвѣчалъ:

¹⁾ Горцы, выражая презрѣніе къ нашимъ конно-милиціонерамъ, называли ихъ чепурханами.

²⁾ По разсказу одного изъ свидѣтелей, бывшихъ при Шамилѣ, мюриды, напуганные криками нашихъ войскъ, хотѣли было въ этотъ моментъ убить полковника Лазарева и возвратиться опять въ аулъ.

³⁾ Въ память этого событія на камнѣ, гдѣ сидѣлъ главнокомандующій и принималъ Шамиля, вырѣзана дата—годъ и число изятія Гунуба. Этотъ камень и понынѣ находится на томъ же мѣстѣ.

— Сердарь! я не внялъ твоимъ совѣтамъ,—прости и не осуждай меня. Я—простой уздень, тридцать лѣтъ дравшійся за вѣру моего народа; но теперь наобы мои разбѣжались, мнѣ измѣнили всѣ, да и самъ я уже старъ—мнѣ шестьдесятъ три года. Не гляди на мою черную бороду—я сѣдъ ¹⁾).

Шамиль поднялъ крашенную бороду и показалъ прикрытую только снаружи свою сѣдину.

— Поздравляю русскихъ,—продолжалъ Шамиль,—съ владычествомъ надъ Дагестаномъ и отъ души желаю государю успѣха въ управленіи горами для ихъ блага.

— Я немедленно пошлю тебя къ государю императору, и одинъ изъ моихъ приближенныхъ повезетъ тебя. Теперь же,—добавилъ главнокомандующій,—ты, какъ военноплѣнный, поѣдешь въ нашъ лагерь, а полковникъ Лазаревъ распорядится перевезти туда и все твоё семейство.

Съ этими словами князь Барятинскій всталъ и тотчасъ же уѣхалъ въ свой станъ.

Шамиль былъ пораженъ.

— Ты обманулъ меня,—сказалъ онъ полковнику Лазареву, блѣднѣя и мѣняясь въ лицѣ, и, схватившись за рукоять кинжала, близко подошелъ къ нему.

Положеніе становилось критическимъ, но полковникъ Лазаревъ не потерялся и тутъ.

— Успокойся, имамъ,—сказалъ онъ Шамилю,—и вспомни, что тамъ я высказывалъ тебѣ лишь свои предположенія, а здѣсь ты получилъ приказанія отъ самого главнокомандующаго; исполни ихъ, и ты не будешь раскаиваться.

Затѣмъ полковникъ Лазаревъ передалъ Шамиля графу Евдокимову, а самъ отправился въ аулъ къ его семейству.

Съ отъѣздомъ изъ Гуниба Шамиля аулъ какъ будто опустѣлъ; жители попрятались, и на улицахъ уже не видно было никого; только около сакли Шамиля копошилось нѣсколько человѣкъ мюридовъ, собирали въ путь семейство имама, которое готовилось навсегда покинуть горы Кавказа и слѣдовать за нимъ въ далекую Россію. Подстрекаемый сильнымъ любопытствомъ взглянуть на семейство Шамиля, я съ нѣсколькими офицерами, несмотря на густую цѣпь, выставленную по приказанію барона Врангеля вокругъ селенія, чтобы туда никого не пропускать, успѣлъ, однако, проникнуть въ самую середину аула и, примостившись на крышѣ одного изъ сараевъ, примыкавшихъ ко двору Шамиля, прекрасно оттуда могъ видѣть, что происходило внутри этого двора. А тамъ въ это время уже стояло около десятка арбъ, на которыя мюриды сѣ-

¹⁾ Впоследствии Шамиль, находясь уже въ Россіи, оставилъ обычай горцевъ красить бороду.

шили укладывать вещи Шамяля, состоявшія большею частію изъ тюфяковъ, подушекъ, огромныхъ окованныхъ желѣзомъ сундуковъ и прочаго домашняго скарба. Тутъ же на галлерей у самаго входа въ саклю стояло нѣсколько женщинъ, которыя, повидимому, слѣдили за укладкой этихъ вещей, но не принимали въ этомъ никакого участія. Это были жены и дочери Шамяля, въ числѣ которыхъ, говорили, находилась и красавица Шуаннатъ—третья жена имама ¹⁾. Къ сожалѣнію, всѣ женщины были закутаны въ бѣлыя чадры, и ихъ лицъ совершенно нельзя было разсмотрѣть. Впрочемъ меня собственно болѣе всего интересовала личность второго сына Шамяля, Кази-Магомы, который, какъ извѣстно, былъ самый отчаянный врагъ русскихъ и въ послѣдніе годы войны предводительствовалъ наѣздническими партіями Шамяля ²⁾. Это былъ лѣтъ тридцати, стройный, высокаго роста мужчина съ гордой осанкой и надменнымъ выраженіемъ лица. Во взорѣ его небольшихъ глазъ, сверкавшихъ злобою и ненавистію къ русскимъ, было что-то хищническое и даже отталкивающее. Онъ повелительнымъ тономъ отдавалъ безпрестанно приказанія толпившимся вокругъ его мюридамъ и явно показывалъ видъ, что не замѣчаетъ присутствія здѣсь русскихъ офицеровъ.

Мнѣ, конечно, не приходило тогда въ голову, чтобы я когда нибудь еще разъ могъ увидѣть этого человѣка, а между тѣмъ это случилось ровно черезъ восемнадцать лѣтъ. Я видѣлъ Кази-Магому въ дѣлѣ подъ Авліаромъ, въ годъ войны нашей съ Турціей, гдѣ этотъ вѣроломный измѣнникъ командовалъ турецкимъ кавалерійскимъ отрядомъ и произвелъ нѣсколько смѣлыхъ, хотя и безуспѣшныхъ, а такъ же на нашъ правый флангъ. Турки, какъ извѣстно, въ этомъ сраженіи были совершенно разбиты и потеряли плѣнными большую часть своей арміи, но Кази-Магома, по счастливой случайности, избѣжалъ русскаго плѣна и, благодаря этому, избѣжалъ, конечно, и тѣхъ двѣнадцати пуль въ грудь, которыя могли бы быть единственною наградой этому измѣннику, когда-то облаканному русскимъ царемъ, даровавшимъ ему свободу вмѣсто ссылки въ холодныя страны нашей далекой Сибири.

Уже почти совсѣмъ стемнѣло, когда всѣ сборы къ отъѣзду семейства Шамяля были окончены, и нагруженные арбы подъ силь-

¹⁾ У Шамяля было три жены: первая Фатиматъ (давно умершая), вторая—Зейдатъ и третья—Шуаннатъ. Эта послѣдняя, армянка по происхожденію, была имъ похищена изъ Кизляра.

²⁾ Первый сынъ Шамяля, Джамаль-Эддинъ, былъ выданъ горцами русскимъ въ видѣ заложника при взятіи аула Ахульго въ 1839 г. и, отправленный въ Петербургъ, воспитывался тамъ въ 1 кадѣскомъ корпусѣ. При размыгѣ послѣдствіи семействъ Чавчавадзе и Орбелиани, взятыхъ Шамялемъ въ плѣнъ, при вторженіи его въ Кахетію въ 1854 г., Джамаль-Эддинъ, бывший тогда уже нашимъ офицеромъ, возвращенъ былъ обратно Шамялю и, года два спустя, умеръ въ горахъ, не имѣя силъ подчиниться строгому режиму въ домѣ своего отца.

нымъ конвоемъ потянулись длинной вереницей съ Гуниба. Населеніе аула оставалось попрежнему спокойнымъ, но осторожность заставляла наши цѣпи и дежурныя части находиться до самаго утра на своихъ мѣстахъ.

На слѣдующій день, т.-е. 26 августа, рано утромъ мы выступили на Кегерскія высоты, которыя, отдѣляясь отъ Гуниба глубокою долиною рѣки Кара-Койсу, представляютъ огромное плато, доходившее до самаго Турче-дага. Отсюда спускъ съ Гуниба не имѣетъ уже такихъ обрывистыхъ скалъ, какъ съ другихъ сторонъ, но зато онъ укрѣпленъ былъ высокою каменною стѣною съ нѣсколькими башнями и воротами, очень крѣпко забарикадированными горцами въ день штурма. Здѣсь наканунѣ вели свою атаку баталіоны Ширванскаго полка, и каждый шагъ свидѣтельствовалъ о томъ отчаянномъ сопротивленіи, которое оказали тутъ послѣдніе защитники Гуниба. Огромная масса изуродованныхъ и еще неубранныхъ тѣлъ мюридовъ, кучами валявшихся по всему склону горы и около стѣнъ укрѣпленія, производила ужасно тяжелое и непріятное впечатлѣніе, усиливавшееся еще болѣе тѣмъ, что всѣ трупы горцевъ были раздѣты донага. Кто постарался обобрать съ этихъ несчастныхъ одежду и оружіе, конечно, осталось неизвѣстнымъ,—да до этого, впрочемъ, тогда никто и не доискивался.

Спустившись къ рѣкѣ Кара-Койсу и перейдя перекинутый черезъ нее ветхій деревянный мостъ, мы по крутому, извилистому подъему поднялись на Кегерскія высоты и къ полудню подошли къ лагерю нашего главнаго отряда, гдѣ находилась ставка главнокомандующаго. Расположившись здѣсь на большой полянѣ подъ открытымъ небомъ, страшно утомленные бессонною ночью, проведенною въ цѣпи, оставаясь двое сутокъ безъ горячей пищи, мы и на этотъ разъ закусили только лишь одними сухариками, запили ихъ водицею и повалились всѣ спать прямо на голой землѣ. Но спать намъ не пришлось долго, потому что къ 6 часамъ вечера всѣмъ войскамъ приказано было построиться передъ ставкою главнокомандующаго. Онъ вышелъ къ намъ изъ палатки съ своею обыкновенною привѣтливостію, поблагодарилъ всѣхъ отъ имени государя императора за труды похода, увѣнчавшагося такимъ блестящимъ концомъ, и тутъ же, потребовавъ къ себѣ всѣхъ начальниковъ, приказалъ имъ сдѣлать представленіе къ наградамъ наиболѣе отличившихся. Затѣмъ въ тотъ же день послѣдовалъ приказъ о роспускѣ всѣхъ отрядовъ, и походъ нашъ былъ оконченъ. 27 августа мы въ послѣдній разъ переночевали въ своемъ лагерѣ и на слѣдующій день уже были на пути къ давно оставленному нами Буртунаю.

Такъ закончилась эта великая, героическая эпопея, бурно и почти непрерывно тянувшаяся многіе десятки лѣтъ на восточномъ Кавказѣ. Надъ краемъ начинала теперь заниматься заря новой

жизни, и, приводи слова высочайшей грамоты, данной на имя князя Барятинскаго, что «отнынѣ предстоитъ во вновь покоренной странѣ не утвержденіе власти нашей силою оружія, а распространеніе между новыми подданными Россіи гражданственной образованности и общественнаго благополучія»,—въ настоящее время можно уже утвердительно сказать, что такая воля монарха послужила несомнѣнно лучшимъ указаніемъ для проведенія въ этомъ краѣ полного и прочнаго умиротворенія.

А. Аноевъ.

